

В канун замечательного весеннего праздника – Дня Победы традиционно литераторы нашего города поздравляют ветеранов войны, посвящая им свои работы о самых трагических днях в истории страны. В нынешнем выпуске – произведения члена Союза писателей России Александра Гахова, Надежды Топтыгиной и вашего покорного слуги. Не участвуя в боевых действиях и, как говорится, «не понюхав пороху», трудно написать о войне, о ее тяготах и страданиях. Но, мы надеемся, что стихотворения, которые представлены вашему вниманию, могут претендовать на достоверность. В них мы пытались передать дух того грозного времени и показать подвиг солдата, спасшего мир от коричневой чумы. Как нам это удалось – судить вам, уважаемые читатели.

И.Ерофеев

ЛИТАВР

ЛИТЕРАТУРНАЯ АВТОРСКАЯ РУБРИКА

«...К Победе тяжкий путь мостя...»

Надежда ТОПТЫГИНА

Марии Ивановне,
участнице войны

Мне так легко, свободно с Вами,
Я забываю членам счет,
Готова слушать Вас часами,
Не прерывая мысли ход.

Я постоянно восхищаюсь
Манерой слушать, говорить,
Запомнить лучшее стараюсь
И Вас в хорошем повторить.

Как Вы могли, совсем девчушкой,
Среди огня в окопах быть;
Не раставаясь с «катушкой»,
Ползти, чтоб связь восстановить?!

Конечно, было очень страшно:
свинцовый дождь со всех сторон,
И кровь сочилась сквозь рубашку,
Сквозь зубы стиснутые – стон!

Потом контузия с размаху
Кидает вас в тяжелый бред,
И кто-то словно выбрав плаху
Кидает мертвого в ковет.

Но видно Сам Господь вступился
И жизнь по жилам потекла!
Весь медсанбат над Вами бился.
Все в ход: И скальпель и игла.

И снова в бой к однополчанам
И снова: Машенька, на связи!
"Катушка" снова за плечами,
Под сапогами – пыль и грязь.

А враг умен, силен и грозен
И бесплощаден ко всему,
Но за весною Лето, осень
И свет струится через тьму.

Уже победа в звоне капель,
Уже рейхстаг недалеко,
Последний дюйм. Уложен кабель.
Катушку –Вон! Плечам легко!

И пляшет милая девчонка
В своих кирзовых сапогах
Замысловатую чечетку
С веселым чертиком в глазах.

И кто-то тут же умудрился
ей туфли на ноги надеть;
платочек синий заискрился,
румянец девичий зардел.

Звенели на груди медали
и орден главный среди них,
а ноги сами танцевали
в кругу товарищей лихих.

Те годы канули в былое
и отзвенела та весна,
но время это огневое
хранит на памяти она.

А мы, порой, героев ищем
совсем не в нашей стороне
и посвященье даже пишем
другой подруге, а ни ей.

Хоть позднее, но Вам спасибо,
что Вы на свете этом есть,
что Вы так тонко и учтиво
храните россиянок Честь.

Игорь ЕРОФЕЕВ

НА ДВОИХ

Он служивый – и она.
На двоих – одна война,
на двоих – одна забота:
чтобы выжила страна.

Он – в окопе рядовой
с карабином за спиной.
Трудится она в санбате
у хирурга на подхвате.

Два солдата, два бойца.
Тронула любовь сердца.
Ей, стирающей бинты,
он украдкой нёс цветы.

На войне как на войне –
жизнь понижена в цене.
Ты для мамы сохранись –
Обязательно вернись.

Круговая оборона.
Две гранаты, три патрона...
Подавили танки вражи
молодых стрелков отважных.

Из атаки штыковой
мало вышел кто живой.
Уступили мы высоты.
От воронок кряж – как соты.

Разбомбило медсанбат.
Отошли полки назад.
Много пало от свинца –
среди них и два бойца.

Не связало их любовью –
вытекла из сердца кровью,
запекалась под ногами,
затоптал враг сапогами...

Родина теперь в ответе
за живущих на том свете...
И не важно, чья вина,
кем придумана война...

Александр ГАХОВ

Я старше деда и отца,
Войну прошедших до конца,
Ее хлебнувших полной мерой.
У смерти побывал в гостях,
К Победе тяжкий путь мостя
Солдатскою сермяжной верой.

Дано понять через года, –
По их пути прошел когда, –
Шли воевать не ради славы!
Не для того: «Что б грудь в крестах
Иль голова была в кустах», –
А потому, что бой был правый.

Не все еще пришли домой,
Еще не кончен, значит, бой, –
Матери солдатские не спят...
И над Россией в тишине,
Напоминая о войне,
Стынет кровенеющий закат.

Над чёрной позицией воинов
шёл снег, укрывая покойных,
за их коченелые трупы
мы прятались, как за уступы,

а пули, что ветром носило,
жгли воздух железною силой...
В селе уцелела у речки
труба закоптившейся печки...

Как быть, чтоб хватило бы мочи
удерживать берег до ночи?..
– Когда же придёт подмога?
– Об этом спроси, брат, у Бога...

– Пока есть винтовки, служивый,
мы как бы считаемся живы...
И снова раскаты орудий,
и гибнут военные люди...

Снаряд попал в бруствер, убило
трёх юных бойцов, командира,
четвёртый, осколком пробитый,
упал на атакой убитых.

Кровь тонко струится из раны.
– Мне больно, спаси меня, мама! –
хрипел он, корячась от боли,
страх смерти лишил его воли.

Но мама солдата не слышит,
никто уже рядом не дышит.
Разорвано небо войною,
страдающее над страной.

...Он вырвал чеку из «лимонки»,
по снегу пополз из воронки:
нельзя ему просто погибнуть –
врага надо в поле настичь...

Остались высоты за нами,
полк спас своё красное знамя...
К утру догорели берёзы,
поспели к рассвету обозы,

чтоб с жаркой позиции воинов
собрать для могилы покойных –
юнцов четырёх, командира,
пропавших в спасении мира.

Распаханы окопы и воронки,
Там, где прошли бои, лежат поля;
И только с высоты, из сини звонкой,
Заметны шрамы, что хранит земля.

И только у гранитных обелисков
Заметить можно, как в весенний день,
Свои соцветья наклоняя низко,
Грустит о чем-то майская сирень.

В чужой земле, отпетые ветрами,
В архивных списках числясь наградных,
Лежат они – о ком скупая память
В молчании минутном помнит их,

Лежат они – кто Прагу спас и Краков,
Кто пал за Будапешт, кто брал Берлин, –
На всей земле не хватит красных маков
И горечи краснеющих рябин.

Всей жизни человеческой не хватит,
Чтоб перечислить всех через года!
...Не потому ли так грустят и плачут
Сиреневого мая холода?